

УДК 930:821.161.1.09(470.5)

ИСТОРИЯ УРАЛА В ИСТОРИИ СЛОВЕСНОСТИ**(РЕЦЕНЗИЯ НА: ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ УРАЛА. КОНЕЦ XIV – XVIII В. /ГЛ. РЕД. В.В. БЛАЖЕС, Е.К. СОЗИНА. М.: ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ, 2012)¹*****В.В. Абашев, М.П. Абашева***

Пермский государственный национальный исследовательский университет, 614990, Пермь, ул. Букирева, 15
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, 614000, Пермь, ул. Сибирская, 24
vv_abashev@mail.ru

В рецензии на первый том «Истории литературы Урала» проанализированы методологические принципы нового исследовательского проекта. Впервые история региональной литературы строится с учетом исторической динамики границ региона и его полиэтничности.

Ключевые слова: литература Урала, региональный литературный процесс, история культуры.

Первый том «Истории литературы Урала» являет собой значительный вклад в изучение региональной истории. И не только потому, что литература историю неизбежно отражает. Авторы из научных центров Урала и Сибири, объединенные Уральским отделением Российской академии наук, в своем очерке «От редколлегии» манифестируют установку на «следование динамической "кривой" истории» [История..., 2012, с. 22]. Эта установка на историческую динамику последовательно реализуется в понимании и литературной географии, и самого состава литературы, и ее эволюции.

Ареал уральской словесности составители тома определяют с учетом исторически подвижных границ региона: включают в корпус уральской литературы словесность территорий, что считались уральскими в разные периоды времени. Создаваемый в книге «культурно-художественный и метагеографический образ Урала» [Там же] включил в себя Прикамье (Приуралье) – Усолье, Соликамск, Орел-городок, позднее Пермь, Средний Урал – горнозаводской (Демидовский) регион с центром в Нижнем Тагиле, Екатеринбург, Южный Урал – Оренбуржье, нынешние Зауралье и Западную Сибирь – Тобольско-Тюменский край.

Слово «образ», употребленное авторами «Истории», имеет первостепенное значение, характеризует исследовательскую оптику. Именно «схватывание» общего образа, сотворенного участниками исторического процесса в географическом ландшафте, и является целью этого беспрецедентного научного предприятия. Научная точность здесь подчинена целостному гештальту, вдохновенному идеей самосознания территории.

Для создания целостного образа понадобился междисциплинарный научный подход. Искомый результирующий образ является культурно-художественным потому, что художественный (а порой дохудожественный, только чреватый эстетическим содержанием) факт неизменно рассматривается в культурологическом контексте, как выражение общих закономерностей региональной культуры: ландшафта, мышления, типа производства (горнозаводская цивилизация), национальных особенностей, габитуса. Метагеографическим образ становится потому, что авторы привлекают арсенал методов пространственно-географического изучения культуры, понимая ее как культурный ландшафт, который по определению историчен – а значит, пребывает в стадии постоянного реформирования: идеологического, символического, семиотического. Интерпретация целостного, но постоянно меняющегося культурного ландшафта и становится центральной задачей исследования.

В соответствии с географическим и геополитическим положением Урал представляет собою не провинцию, но *завоеванную* периферию. Голоса завоеванных народов – более древних, чем русские, – услышаны и изучены в этом историко-литературном исследовании. Ученые отказались от неизбежного, казалось бы, в описании российской культуры русского этноцентризма. И это по своему революционный шаг. Ранее история русской литературы освещалась в учебных и академических изданиях как единый, центрированный столицами поток – с факультативным описанием отдельных региональных особенностей. В рецензируемом же издании литературы народов, с древности населяющих Уральский регион, изучаются параллельно и в общем ряду с русской. Впервые

поднят уникальный пласт литературы средневековой башкирской литературы (восходящей к тюркским памятникам IX в.) и литературы удмуртской (в арабских источниках IX–XII вв. удмурты упомянуты как ары, графически фиксированное письмо известно с XVIII в.; активно изучается удмуртский фольклор). Национальные литературные традиции народов коми сформировались позже. Литература иных народов, населяющих полиэтничный Урал (сибирских татар, марийцев, мордвы и др.), не изучается специально потому, что они не имеют собственной административно-территориальной автономии в Уральском регионе (это несколько формальное ограничение приходится принять).

Расширение объекта исследования происходит не только за счет включения национального компонента в региональный. Плодотворной ревизии в новой «Истории литературы» подвергается сам состав понятия «региональная литература», да и понятия литературы вообще. Авторы тома рассматривают региональный литературный процесс как соединение трех составляющих: фольклора, словесности и собственно литературы. Вплоть до конца XVIII в. Урал производит большей частью как раз фольклор и словесность. Типы словесности обуславливаются спецификой региона. В книге рассматриваются жития миссионеров-христиан (Стефана Пермского, Трифона Вятского, Симеона Верхотурского и др.), пламенные полемические сочинения раскольников («родословия», «истории согласий»), летописи (Строгановская, Кунгурская и др.), сказания о Ермаке, записки путешественников (от С. Герберштейна до А.Н. Радищева), описания горных заводов (В. де Геннин), мемуаристика и эпистолярный ссыльных, рапорты-описания начальников Строгановских и Демидовских горных заводов, отчеты губернских наместников... Словесность, признаемся, оказывается захватывающе интересным чтением. Собственно эстетическая функция проступает в этих текстах с течением времени, «накопление эстетической энергии» [История..., 2012, с. 310] слова, осваивающего ландшафт, предвосхищает появление собственно уральской литературы.

Широкий охват материала (в том числе не имеющего, казалось бы, эстетического качества) потребовал хорошо продуманной методологии. Авторы издания чрезвычайно внимательны к местной традиции изучения региональной культуры – работам М.К. Азадовского, П.С. Богословского, И.А. Дергачева и других, но основу предлагаемой исследовательской парадигмы составляет синтез подходов, намеченных в классических работах Н. К. Пиксанова и Н.П. Анциферова. Впервые в исследовании региональной литературы объединены историко-литературное изучение локальных культурных гнезд, предложенное Н.К. Пиксановым, с анциферовским геокультурным видением территории как целостного образа, или сверхтекста, создаваемого совокупными усилиями литераторов. Иными словами, авторы сознательно учитывают, что Урал – это не только территория, с которой всей жизнью или эпизодически связаны те или иные писатели, но и произведение культуры, этими же писателями во многом созданное. Соответственно «литература Урала» – это понятие не исключительно территориальное, и в ее состав входят не только Д.Н. Мамин-Сибиряк и П.П. Бажов, но и В.И. Немирович-Данченко и Б.Л. Пастернак.

Некоторые традиционные методологические подходы получили в книге новое развитие. Так, пиксановская концепция областных культурных гнезд вырастает сегодня в развернутую таксономию: ученые предложили наполненные конкретным содержанием понятия «культурный очаг» (на Урале XVI–XVIII вв. это церкви и монастыри, средоточия книжных собраний), «культурное гнездо» (под патронажем Строгановых таковые развились в Сольвычегодске, Орле-городке, Ильинском), «культурный центр» (Далматовский, Верхотурский, Пыскорский монастыри, православные духовные семинарии).

Сам предмет изучения – литературный процесс XIV–XVIII вв. – рассматривается тоже со стороны истории – истории литературной жизни: предметом внимания составителей становятся типы словесности до XVII в., объединения литераторов и первые региональные литературные журналы XVIII в. Принципиально важно, что изучается «молчаливое» читательское большинство – это редкость в литературоведении, тем более, когда речь идет о далеком прошлом. Рецептивный подход позволяет «сконструировать», восстановить инстанцию читателя в процессе анализа книжных собраний, подробно охарактеризованных в книге: Строгановского собрания, монастырских хранилищ, библиотеки Акинфия Демидова, крестьянских библиотек. В Новое время инстанция читателя персонализируется, индивидуализируется. Как, собственно, и писателя: применительно к XVIII в. главной задачей составителей тома является характеристика авторских индивидуальностей. Отбор персоналий для монографического описания осуществляется по принципу репрезентативности,

характерности писателя для региона.

В таком масштабном проекте, как «История уральской литературы», неизбежна полемика о включении (или невключении) в его состав тех или иных важных текстов. Нам, например, представляется не совсем правильным то, что в содержательной обзорной главе «Образ Урала в записках западноевропейских и русских путешественников» нет разбора путевых отчетов участников серии экспедиций, организованных Академией наук для изучения Урала и Сибири. С 1768 по 1774 г. состоялись пять таких экспедиций, три из которых были посвящены Уралу. Опубликованные в 1770-е гг. отчеты И.И. Лепехина, П.-С. Палласа, И.-П. Фалька, Н.П. Рычкова представляют собой не только ценный источник по географии, экономике и истории Урала. В общекультурном отношении эти описания путешествий натуралистов сыграли важную роль в концептуализации Урала. Так, Н.П. Рычков, описывая древности Соликамского уезда, приходит к убеждению, что «остатки пространств древних селений, свидетельствующих древнее величество сея страны <...> и следы пути, которыми соединяется Кама с Печорою» [Рычков, 1770, с. 106] подтверждают существование легендарной Биармии, соединявшей торговыми путями Индию и Иран со Скандинавией. В будущем биармийский миф сыграет важную роль в развитии локального самосознания Перми. А ведь именно самосознание территории, по большому счету, и является внутренним нарративным стержнем создаваемой сегодня «Истории литературы Урала».

Впрочем, «неуцеленность» отдельных текстов свидетельствует о неисчерпанности объекта исследования. Словесность региона богата и пока мало изучена. Надеемся, с полной реализацией проекта академической «Истории литературы Урала» многие ее белые пятна будут закрыты. Впереди – выход томов, посвященных XIX и XX векам. Но уже первый том с описанием уральской словесности с XIV к XVIII в. предьявил системное, целостное и темпераментное описание движения региональной литературы, а главное – авторский коллектив предложил новую, эвристически перспективную парадигму и программу исследования региональной культуры.

Примечания

¹ Настоящая работа подготовлена при поддержке гранта 005-П Программы стратегического развития ПГППУ.

Библиографический список

История литературы Урала. Конец XIV – XVIII в. / гл. ред. В.В. Блажес, Е.К. Созина. М.: Языки славянской культуры, 2012. 608 с.

Рычков Н.П. Журнал или дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства. СПб., 1770.

Дата поступления рукописи в редакцию 08.07.2013

HISTORY OF THE URALS IN THE HISTORY OF LITERATURE

V.V. Abashev, M.P. Abasheva

Perm State University, Bukireva st., 15, 614990, Perm, Russia

Perm State Pedagogical University, Sibirskaya st., 24, 614000, Perm, Russia

vv_abashev@mail.ru

In the review of the first volume of «The History of the Ural Literature» the methodological principles of a new research project are analyzed. For the first time the story of regional literature is combined with the historical dynamics of the region's boundaries and of its multi-ethnicity.

Key words: the Ural literature, regional literary process, the history of culture.

References

Istoriya literatury Urala. Konets XIV – XVIII v. / glav. red. V.V. Blazhes, E.K. Sozina. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2012. 608 s.

Rychkov N.P. Zhurnal ili dnevnye zapiski puteshestviya kapitana Rychkova po raznym provintsiyam Rossiyskogo gosudarstva. SPb., 1770.